

чит, спасет, поможет. Забесплатно, за просто так. Потому что жизнь тяжела, смерть легка и есть между ними любовь.

Эмилия ВАСИЛЬЕВА

В ДИКОМ КРАЮ ПОДЛЕМОРЬЯ

Ермаков О. Н. Песнь тунгуса. М.: Время, 2017. 480 с.

Вот как тут удержаться от пушкинского «и ныне дикой тунгус»?.. Дикий тунгус вот-вот исчезнет. Культура коренных народов тем и интересна, что ореол мистики, путаной мифологии и нескончаемого обаяния (ореол, готовый потускнеть или совсем погаснуть в свете тяжело ступающей, всепоглощающей цивилизации) может сиять вокруг незамысловатого, абсолютно приземленного сюжета. Может? Может-то может, но соединить все это вместе блестяще удастся именно Олегу Ермакову.

Национальная тема в многоликой России — благодатная почва если не для романа, то для большой повести. Жанр как таковой тут принципиальной роли не играет, но выбор правильных слов просто необходим. В книге Олега Ермакова с жанром не все прозрачно, но дух, вкус, звучание здесь — причудливое переплетение гимна и шаманского напева, а потому на обложке и значится: «песнь», «Песнь тунгуса» — точнее, уверен, не скажешь.

Родина Олега Ермакова — город Смоленск. Но работа лесника привела его и в Баргузинский, и в Алтайский, и в Байкальский заповедники. Мир прибайкальский, таким образом, для автора — не чужая стихия, хоть и вторгается он в нее, казалось бы, из совершенно чуждых Сибири краев. Да и вообще интересно, что участник афганской войны Олег Ермаков, известный прежде всего военной прозой («Знак зверя», «Холст», «Свирель вселенной», «Арифметика войны»), обратился к «дикому тунгусу».

Тунгусы — они же эвенки — живут возле самого Байкала, а Байкал, как известно, вовсе даже не озеро — море, поэтому и имя прибайкальской земле дано соответствующее — Подлеморье. Правнук великой шаманки Шемагирки, главный герой Мишка Мальчакитов — наследник кочующих охотников, последний хранитель эпоса, завещанного ему бабкой Катэ. В новой книге Олег Ермаков не идет на поводу у литературной моды: зачем выдумывать новый волшебный мир, если можно обратиться к миру реальному, который просто не всем приоткрывает свою тайную волшебную сторону? Особая связь героя-тунгуса с чудесным Подлеморьем — чем не зачин для очередной фэнтезийной вселенной? Тут уж читателю впору остановиться и с характерным прибайкальским выговором произнести: «Че-о?»

Мир эвенков — мир самодостаточный, как и всякий далекий от цивилизации мир. Однако даже не дистанция играет тут главную роль: здесь важнее замкнутость, впрочем, не ощущаемая изнутри. Бабка Катэ рассказывает Мишке о безграничной небесной сфере: «Катэ сказала, что все по-другому раньше было: темный силуэт на Луне — отражение Старушки, хозяйки всего мира — Энекан Буга». С календарем в пространстве этой книги тоже свои счеты: устранение четких хронологических рамок в эвенкийском мире, покоящемся на мифе, не позволяет конкретизировать реальные временные границы. Тем не менее черта все равно есть, если угодно, ее мифологический образ — родовая река Энгдекит, протекающая между жизнью и смертью.

Мир тунгуса развертывается в известных пределах: «Тунгусы здесь обитали и царили и царя не знали. Ну, где-то там в Иркутске этот, губернатор, соответствующе, казаки, полиция, железная дорога. А здесь — закон-тайга. Сам себе хозяин тунгус.

У него олени, берданка, а вокруг соболя прыгают, в море нерпа, на полянках боровая дичь». Вот эти вот соболя, нерпа и боровая дичь — та самая завораживающая, исполненная мистики природа. Олени, волки, кабарга (такой клыкастый сибирский олень) подобны ожившим экспонатам зоологического музея. Повествование в отдельных главах ведется от лица животных, населяющих здешние леса, — им тоже дан голос, сливающийся с лейтмотивом песни тунгуса.

Байкальский заповедник — пространство романа — не просто попытка сохранить природу в ее первозданном виде. В конце концов, человек тут уже порядком наследил, поставив зимовья, просыпав порох, примяв траву, — с этого начинается книга. Но тут сохраняется — одновременно балансируя на грани жизни и смерти — и древняя земля, где каждый камень и каждое дерево слышало камлание шамана. Эвенкийские мифы — это то, что поддерживает дух героя. Бережно сохраненные и переданные Мишке по наследству от древней шаманки через любимую бабушку, мифы позволяют держаться проверенной тропы. Так герой из города часами плутает в непроглядном таежном тумане, а Мишка, свернув с исхоженной дорожки, попадает в город, где начинаются невероятные вещи.

Да что уж там, и читатель порой готов если не поверить, но хотя бы допустить, что холодная Луна — это небесное оленье пастбище. Поверить бабке Катэ порой не хочет и сам Мальчакинов, неумолимо сообщающий, что, дескать, на Луне и дышать-то нечем (американцы уже слетали и рассказали). Вот тут берестяная тунгусская лодочка готова покачнуться и перевернуться: нет на Луне места для птиц — душ умерших... Уму непостижимо!

Как уже отмечали рецензенты, «Песнь тунгуса» больше всего напоминает этакий «Твин Пикс», перенесенный куда-то в забайкальскую глушь. Действительно, книга Олега Ермакова — это и детектив, начинающийся с убийства (убийства ли?) главного героя, а затем волшебного воскрешения и исчезновения. Детективная основа очень проста: это бытовая милицейская история для небольшого второсортного сериала. Мишку обвиняют в поджоге, хватают, тот сбегает из кутузки и возвращается туда, откуда приглушенной песней доносится зов предков.

Перемешанные элементы фабулы так и оставляют читателя в недоумении: а что, собственно, произошло? Таинственные обстоятельства похождения героя в недружелюбном Иркутске, по льдам замершего на зиму Байкала и тропам родной тайги — все это очень длинная повесть, без которой книга рассыпалась бы, точнее, осталась бы той самой тунгусской песней, которую не каждое ухо воспримет. Впрочем, читай-те роман. Вопросов он оставляет больше, чем дает ответов.

Так что же с повествованием не так? Дело в том, что в этой книге мистика переплетена с реалистичностью. Авторское слово убедительно демонстрирует, что да, так и могло быть на тех байкальских берегах, где ступала только нога тунгуса. Нетунгусы, не обремененные вековыми традициями, строят здесь карьеру, запивая горькой, — это все списано с натуры, здесь никакой таинственности нет.

Особенность же книги в том, то за подобным сплетением не стоит какая-нибудь глубокомысленная, выверенная концепция — нет, это чисто структурный, композиционный прием, задающий объем произведения. Это, по-видимому, тот фон, на котором единым голосом становится дикая заповедная природа и внутренний мир Мишки, готового вступить с реальностью в диалог, по крайней мере, попробовать установить контакт. Тунгус остается тунгусом и здесь: этот контакт удастся не сразу и не всегда. Мишка далеко ушел от прабабки Шемагирки, но отзвуки шаманского напева слышны все равно.

На протяжении всей книги меня не покидало ощущение дежавю. Один из «родственников» Олега Ермакова в литературной семье — Юрий Казаков (показательно,

что еще в 2009 году автор был удостоен премии имени Ю. Казакова за рассказ «Легкий поток»). Тут и красоты природы, и «простые» герои, и тончайше подмеченные детали любимого края России. Справедливости ради отметим, что для Юрия Казакова любимый край ограничен Русским Севером (еще точнее — Архангельской землей), а для Олега Ермакова он существенно шире.

Однако на монтажном столе «Песни тунгуса» что-то не склеивается, целые эпизоды из биографии Мишки теряются — но атмосфера остается. Трехчастный роман куда больше походит на затянувшуюся повесть. Плести словеса под звуки волшебного бубна, конечно, можно до бесконечности. Если в первой части накал страстей размеренно, но все же нарастает, на второй читатель может с облегчением выдохнуть — и поперхнуться: здесь сковывают тело мороз, ледяная гладь Байкала и белоснежная тайга. Тут бы появиться какому-нибудь тунгусскому божку — да завернуть фэнтезийный сюжет, но...

Да, как по камертону, должен был бы выстроиться этот заповедный лес. «Не кончается время тревог, но кончаются зимы»: в третьей части заповедник ждут перемены, «здесь замышляется байкальская революция». Менять, рушить, кончать с прошлым — значит построить «заповедник нового толка» в противовес идее заповедника «старого хозяйственно-научного толка». Казалось бы, вот оно, то, что наконец примирит тунгуса и остальной мир, но Мальчакитов в этом заповеднике будущего не нужен. Его тут вообще уже нет, ушел. Революция никого не оставляет в стороне, но если знаешь нужные слова, — а они тут самые верные: «Сэвдеелэй-дэ гуделэй! <...> Весело же и красиво!» — сможешь увернуться: «Мишку забрали. Но он бежал...»

Последний вопрос — а что хотел сказать автор? — требует хоть какого-нибудь ответа. Напомнить об исчезающем народе, развлечь детективными хитросплетениями, блеснуть знанием природы Байкала? Отнюдь. Олег Ермаков создает текст, в котором эстетика «дикости» убедительно противостоит серой, бесхитростной цивилизации. Только в такой форме может сохраниться невероятная песнь тунгуса, наполняющая заповедную тайгу: «...тайга здесь была ближе, рядом — и густо уходила по долине, по горам расплескивалась, за собой звала — к далеким снежным горам на востоке, откуда солнце-то и вставало».

Максим ВОЛЬХИН